

СРАВНИТЕЛЬНОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

№4 (107) 2015

**Обратная сторона ветра:
инновации и новые возможности для цензуры**

Свобода собраний и общественный диалог

Универсальные права как духовная скрепа

**Бельгия: от конституционного арбитража
к конституционному правосудию**

Тернистый путь Конституции России

США: цена независимости судей

**Кого защитил Конституционный Суд России –
нефтяников или окружающую среду?**

СРАВНИТЕЛЬНОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

№4 (107) 2015

Учредитель и издатель

Институт права и публичной политики
<http://www.ilpp.ru>

Редакционный совет

А. С. АВТОНОМОВ, д.ю.н., профессор
А. БЛАНКЕНАГЕЛЬ, Dr. jur. habil., профессор
Н. А. БОГДАНОВА, д.ю.н., доцент
А. Е. ВАШКЕВИЧ, к.ю.н., доцент
Г. А. ГАДЖИЕВ, д.ю.н., профессор (председатель)
Л. ГАРЛИЦКИЙ, Ph.D. in Law, профессор
Л. О. ИВАНОВ, к.ю.н.
И. П. КЕНЕНОВА, к.ю.н., доцент
А. И. КОВЛЕР, д.ю.н., профессор
М. А. КРАСНОВ, д.ю.н.
А. Н. МЕДУШЕВСКИЙ, д.ф.н., профессор
Р. УИТЦ, LL.M., S.J.D., профессор
С. ХОЛМС, Ph.D. in Law, профессор
А. ШАЙО, Ph.D. in Law, профессор, академик

Редакционная коллегия

Е. В. ГРИЦЕНКО, д.ю.н., профессор
А. А. ДЖАГАРЯН, д.ю.н.
Г. В. ДИКОВ
С. С. ЗАИКИН, к.ю.н.
О. Н. КРЯЖКОВА, к.ю.н., доцент
Т. М. ХРАМОВА, LL.M., к.ю.н.
Д. Г. ШУСТРОВ, к.ю.н.

Главный редактор

О. Б. СИДОРОВИЧ, MBA (in P.S.)

Заместители главного редактора

А. Г. РУМЯНЦЕВ, LL.M., Dr. jur.
А. В. ДОЛЖИКОВ, к.ю.н., доцент
А. А. ТРОИЦКАЯ, к.ю.н., доцент

Редакторы

Р. В. Золотарёв
Л. А. Моргуева

Корректоры

Т. Ю. Лобкова

Компьютерная верстка

В. Б. Сидорович

В подготовке выпуска участвовали:

Я. С. Гребенщикова
Е. А. Нефёдова

Издается при спонсорской поддержке
Юридической компании

КАМЕНСКАЯ & ПАРТНЁРЫ.

СИнерГИЯ УСПЕХА

Позиции авторов статей могут не совпадать с мнением редакции.

При цитировании материалов ссылка на журнал и правообладателя обязательна.
Перепечатка разрешена только с письменного согласия правообладателя.

© Институт права и публичной политики, 2015

МОНИТОРИНГ КОНСТИТУЦИОННЫХ НОВОСТЕЙ

МАЙ – АВГУСТ • 2015

3

Греция, Индонезия, Люксембург, Мадагаскар, Мексика, Россия,
США, Турция, Украина, ЮАР

ЭТАЖИ ДЕМОКРАТИИ

ДИАЛОГ И ЯЗЫК НЕВЫСЛУШАННЫХ:

13

ЦЕННОСТЬ И ПРЕДЕЛЫ СВОБОДЫ СОБРАНИЙ

Армен Джагарян, Наталья Джагарян

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК УНИВЕРСАЛЬНАЯ
«НАВИГАЦИОННАЯ СИСТЕМА»?

32

Ангелика Нуссбергер

СУДЕБНЫЙ ДИСКУРС, ИННОВАЦИИ И СВОБОДА СЛОВА

СУДЕЙСКАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ И ИНТЕРНЕТ:

40

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВЫХ РАМОК, НОВИЗНА,
ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРАВА И НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Андраш Шайо, Клэр Райан

НОВАЯ ФОРМАЦИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ: БЕЛЬГИЯ

СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

62

В КОРОЛЕВСТВЕ БЕЛЬГИЯ:

ОТ КОНСТИТУЦИОННОГО АРБИТРАЖА
К КОНСТИТУЦИОННОМУ ПРАВОСУДИЮ

Павел Блохин

ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС

ОСНОВНОЙ ЗАКОН ТОТАЛИТАРИЗМА:

84

КОНСТИТУЦИЯ СССР 1936 ГОДА КАК ИНСТРУМЕНТ
СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ

ЧАСТЬ 2

Андрей Медушевский

КОНСТИТУЦИЯ РОССИИ: ИЗВИЛИСТЫЙ ПУТЬ ПОЗНАНИЯ

О ПРИЧИНАХ КРУШЕНИЯ СССР И СТАНОВЛЕНИИ НОВОЙ РОССИИ

101

Диалог Андрея Медушевского и Геннадия Бурбулиса

PRAXIS

ИЛЛЮЗИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ ИЗБИРАЕМЫХ СУДЕЙ:

117

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ РЕШЕНИЯ
ВЕРХОВНОГО СУДА США ПО ДЕЛУ «УИЛЬЯМС-ЮЛИ
ПРОТИВ АССОЦИАЦИИ АДВОКАТОВ ФЛОРИДЫ»

Татьяна Храмова

В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ РОССИИ

ОБЗОР ПОСТАНОВЛЕНИЙ, ВЫНЕСЕННЫХ
КОНСТИТУЦИОННЫМ СУДОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

128

МАЙ – ИЮНЬ • 2015

[НЕ] ДВАЖДЫ ЗА ОДНО: ОСОБЫЙ ХАРАКТЕР

145

ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УЩЕРБА И ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ
ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

КОММЕНТАРИЙ К ПОСТАНОВЛЕНИЮ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ
ОТ 2 ИЮНЯ 2015 ГОДА №12-П

Александра Ивлиева

ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС

Основной закон тоталитаризма: Конституция СССР 1936 года как инструмент социального конструирования*

Часть 2

Андрей Медушевский

Конституция 1936 года ознаменовала переломный пункт в формировании личной диктатуры Сталина. Являясь полностью номинальной в отношении реальных конституционных прав и гарантий, Основной закон «победившего социализма» сыграл определяющую роль в установлении принципиально новой формы тирании, легитимируя массовый террор и новые формы социальной мобилизации. На основе новых архивных документов, автор реконструирует процесс разработки Конституционного акта 1936 года — намерения, мотивы и ожидания его разработчиков в отношении общей институциональной архитектуры, селекции норм и их политической интерпретации, равно как и персональную роль диктатора в их конструировании. Исследование вносит вклад в общую теорию макиавеллистических технологий конституционной инженерии.

→ *Номинальный конституционализм; Конституция 1936 года; советское государство; федерализм; бикамерализм; Конституционная комиссия; ВКП(б); террор; сталинская диктатура; макиавеллистические технологии власти*

С позиций когнитивной теории права Конституция 1936 года — поворотный пункт конструирования советской социальной реальности. Значение сталинской Конституции определяется вовсе не ее юридическими положениями — они имели столь же фантастический и фиктивный характер, как и вся советская традиция номинального конституционализма. Оно состоит в создании легальной основы цезаристского режима без его формально-юридического закрепления. Конституция закрепляла, во-первых, новые принципы и формы когнитивного доминирования партии в обществе; во-вторых, вводила систему институтов, способных манипулировать сознанием общества в интересах мобилизационных целей ре-

жима; в-третьих, фиксировала рамки формальной институциональной иерархии органов управления, контроля и принуждения в виде квазипредставительных советских, судебных и карательных институтов государства.

1. Судебная власть и прокуратура как институты контроля и надзора за законностью в рамках репрессивно-карательной системы

В советском номинальном конституционализме судебная власть и прокуратура выполняли преимущественно карательную роль. Однако их конфликтное взаимодействие сохраняло известную правовую неопределенность в вопросе о контроле и надзоре за законностью и судами. Для обсуждения этих вопросов была создана специальная подкомиссия Конституционной комиссии¹. Ее материалы отразили столкновение двух позиций — Наркомата

* *Окончание.* Начало см.: Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 3 (106). С. 109–126. Статья написана в рамках научного проекта (№ 15-01-0014), выполненного при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2015–2016 годах.

юстиции (Н. В. Крыленко) и прокуратуры (А. Я. Вышинский).

Первая позиция, которой Наркомат юстиции придерживался еще в ходе разработки Конституции СССР 1924 года, отражена в проекте и записке Н. В. Крыленко, направленной И. В. Сталину². Крыленко выступает за «единство уголовного и гражданского права на территории всего Союза», возникшее «с момента установления единых уголовного, гражданского и процессуального кодексов». Ключевая мысль проекта состояла в том, чтобы «передать осуществление надзора за законностью судам, выстроив их единую иерархию» — она «осуществляется Верховным Судом СССР, Верховными судами союзных республик и органами прокуратуры». Из этого тезиса следовал ряд выводов. Во-первых, Крыленко был «принципиально не согласен с установлением выборности населением судей всех инстанций»; принимая в целом принцип выборности народных судей и членов общественных судов, он считал неверным «установление выборности населением членов край/обл/судов, верховсудов и других судов, являющихся узловыми рычагами судебной системы и одновременно кассационными судами». Во-вторых, он отстаивал диверсифицированную систему судов с учетом специфики их деятельности: «Кассационные суды не могут быть избираемы, прежде всего, по существу своей работы, ибо она требует высокой квалификации, они не должны быть избираемы и по политическим соображениям, ибо в руках Советов, как органов пролетарской диктатуры, должна быть сохранена полная возможность ближайшего надзора и контроля за деятельностью управляющих центров судебной системы и право их отзыва и смещения»³.

Иная позиция представлена в записке А. Я. Вышинского и предложенной им редакции соответствующей главы Конституции⁴. Признавая конституционную роль Верховного Суда по надзору за судебной системой Союза и республик, он в то же время настаивает на центральной роли прокуратуры в практическом его осуществлении: «Надзор за законностью и за соответствием деятельности судебных органов задачам судебной практики осуществляется органами прокуратуры»⁵. Идеи Вышинского подробно отражены в документе «Об организации судебных органов СССР и союзных республик». «Надзор за за-

конностью и соответствием деятельности судебных органов задачам судебной практики осуществляется Верховным Судом СССР, Верховными судами союзных республик и органами прокуратуры», — писал он, — однако именно «Прокурор СССР осуществляет надзор за соответствием Союзной Конституции, союзным законам и постановлениям союзного правительства распоряжений и постановлений органов власти союзных республик, а также Наркоматов и Управлений Союза СССР». Прокуратура, следовательно, выступает конкурентом Верховного Суда и наделяется, по существу, монопольными функциями контроля конституционности всей правоприменительной практики. В случае установления несоответствия постановлений или распоряжений законам и постановлениям Союзного правительства «Прокурор СССР вносит свои предложения об исправлении или отмене этих постановлений или распоряжений в соответствующие органы, а в случаях нарушений Союзной Конституции делает это с предварительным заключением Верховного Суда СССР». Вопросы о соответствии постановлений правительственных органов союзных республик, наркоматов и главных управлений СССР Союзной Конституции в этой конструкции рассматриваются Верховным Судом по представлениям Правительства и Прокуратуры СССР. Роль прокуратуры еще больше возрастала в связи с допущением в проекте Вышинского ареста и уголовного преследования граждан по решению не только суда, но и Особого совещания при НКВД СССР⁶.

П. Соломон в своем исследовании о сталинской юстиции пришел к парадоксальному выводу, что принятие Конституции 1936 года привело к «отказу от отдельных большевистских принципов построения юстиции» и даже «возвращению к ключевым аспектам правосудия времен царизма». В ходе конституционных дебатов, считает он, наметился поворот от правового нигилизма предшествующего периода к укреплению правовой системы — ее централизации, кадровой перегруппировке, повышению роли профессионального образования. Конфликт Крыленко и Вышинского, закончившийся победой последнего, он рассматривает как противостояние революционной и государственно-правовой позиций, а победа второй из них означала укрепление

надзорных функций прокуратуры, отказ от упрощенных процедур расследования. Вышинский объявлен им «главным сторонником укрепления авторитета закона и ведущим реформатором судебных учреждений в 1931—1936 гг.», несмотря на его центральную роль в создании «юриспруденции террора», проведении политических процессов, его активное участие в работе Особого совещания при НКВД, которое осудило множество «врагов», наделение прокуроров обязанностью подписывать ордера на арест по поручению органов госбезопасности⁷. Парадоксальность этого вывода вытекает из представления Соломона о том, что две сферы — права и террора — становились якобы более разграниченными: первая охватывала «нормальное» уголовное судопроизводство, вторая — исключительно политическую сферу, представляя собой фактически чрезвычайное законодательство. Но справедливо обратное — распространение «юриспруденции террора» на всю сферу правосудия. В основе советской судебной системы лежал принцип идеологического контроля над правом — возможность перевода любого дела из рутинного в политическое и наоборот. Можно говорить, следовательно, об отказе от спонтанных («революционных») форм террора путем подчинения его государственной воле — институционализации и рутинизации террора, но не о его формальном ограничении.

Вышинский представил теоретическое обоснование данной программы, рассматривая «власть в государстве как организацию господства, руководства населением при помощи свойственных государству методов правления и воспитания подчиненных классов общества в духе защиты интересов господствующего класса»⁸. Советский суд при определении состава преступления должен руководствоваться не «какой-то совершенно бесформенной интуицией», но опираться исключительно на «установленные Советской властью законы и социалистический правопорядок» и вытекающие из них жесткие процессуальные правила⁹. Но в толковании законов суд руководствуется идеологическими приоритетами государства. «Социалистическое правосудие — это ключ к пониманию законов, к практическому применению этих законов, к пониманию общественно-политической обстановки, в которой совершено пре-

ступление, с одной стороны, и с другой стороны, к пониманию того, какая должна быть дана оценка этого преступления»¹⁰. «Привлечь к ответственности, — говорил он, — это дело сравнительно нетрудное. Гораздо более трудно вскрыть корни рассматриваемого преступления, обнаружить перед трудящимися массами тайные пружины данного преступления. А в этом главная задача органов революционной законности в их борьбе с преступностью». Такая концепция предполагает особые качества следствия «перед лицом искусного и изворотливого врага»: «Роль следователя в данных условиях становится особенно ответственной, превращая народного следователя в центральную фигуру прокурорского аппарата»¹¹. На практике это означало провозглашение признания обвиняемого «царицей доказательств» и фактическую легализацию пыток.

Результаты дискуссии в Комиссии по двум проектам показывают преобладание идей Вышинского и административное поражение его бывшего руководителя Крыленко. В Сводке поправок к проекту, подготовленной для Сталина Я. А. Яковлевым (ноябрь 1936 года), Верховный Суд лишен компетенции «надзора за деятельностью всех судебных органов СССР и союзных республик» и наделен вместо этого компетенцией «судебного и кассационного надзора за правильностью приговоров и решений всех судебных органов СССР и союзных республик, а также разъяснения статей уголовного, гражданского и процессуального кодексов в связи с рассматриваемыми делами». Напротив, прокуратура получила более широкие полномочия: она осуществляет «надзор за деятельностью всех органов расследования и законностью вынесенных судами приговоров и решений»¹².

Три основных вопроса стали предметом дискуссии в Комиссии: во-первых, порядок формирования судов: избираются (назначаются) ли они Советами депутатов или избираются непосредственно населением; во-вторых, порядок проведения арестов (непосредственно по постановлению суда и с санкции прокурора), а также условия содержания под стражей¹³, наконец, главный принципиальный вопрос: о разделении функций суда и прокуратуры. Редакционная группа в своем черновом наброске устанавливала, что Прокурор СССР назначается Верховным Сове-

том СССР. На него предполагалось возложить обязанность привлекать к ответственности всех должностных лиц и граждан, нарушающих закон. «Вариант, одобренный Сталиным, содержал более общее определение Прокурора, возлагая на него высший надзор за точным исполнением законов народными комиссариатами и подведомственными им учреждениями, равно как отдельными должностными лицами и вообще гражданами»¹⁴. Позиция Сталина — поставить прокуратуру над судами (так же, как Президиум над Верховным Советом) восторжествовала, определив всю логику советской судебной системы. Именно в 1935 году Вышинский стал Прокурором СССР, сменив на этой должности И. А. Акулова — одного из инициаторов сталинских репрессий.

Доктринальный поворот выражен очень четко в последующих официальных разъяснениях, закрепивших функцию террора за политической властью. Концепциям Е. Пашуканиса и Я. Бермана об отмирании права и противопоставлении диктатуры и «революционной законности» противопоставлен тезис об их слиянии. «Диктатура пролетариата является источником социалистической законности», которая сама меняется в зависимости от «обстановки, в которой партия и Советская власть осуществляют строительство социализма». «Право выражено, прежде всего, в законе. Следовательно, социалистическое правосознание и означает, прежде всего, правильное понимание социалистического закона, понимание той политической цели, которую преследует данный закон. Социалистическое правосознание судей служит, т. о., гарантией правильного толкования законов в соответствии с их действительным смыслом, применения их в духе социализма»¹⁵. Эти темы стали вполне актуальны в свете разворачивающегося массового террора и получили развитие в ходе принятия Конституции и обсуждения проекта Положения о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик 1938 года¹⁶. Легитимация и перестройка судебной системы включали следующие направления.

Во-первых, для внешнего использования постулировалось жесткое противопоставление советского государства фашистскому государству, где обвиняемый в суде лишается всех прав, предоставленных буржуазно-демо-

кратическим законодательством, «подвергается всевозможным истязаниям, надругательствам и пыткам, превращается в бесправный “объект исследования”, каким он был в средневековом инквизиционном процессе». Напротив, советское законодательство «в соответствии с принципами социалистического демократизма и социалистического гуманизма» якобы «обеспечивает обвиняемому все права и возможность защищаться от предъявленного ему обвинения»¹⁷.

Во-вторых, проводилось последовательное ограничение принципа «социалистического гуманизма» принципом классового характера правосудия. «Советскому суду, — говорили его апологеты, — нечего скрывать»: «он силен своим авторитетом среди трудящихся, он силен тем доверием, которым пользуется у советского народа», руководствуется «сталинской заботой о людях» и осуществляет ее в сфере правосудия. «Социалистический гуманизм, однако, ни в какой мере не означает попустительства в отношении врагов народа, расхитителей общественной собственности, диверсантов, шпионов и т. д. В отношении всех этих изменников и предателей наш суд беспощаден»¹⁸.

В-третьих, навязывалась кадровая селекция судей в рамках кампании по борьбе с инкомыслящими — «вредителями всех мастей, проникшими как в органы суда, так и в область теоретической правовой работы», задачей которых являлось снизить авторитет суда и «его роль как орудия диктатуры пролетариата, подорвать доверие к нему со стороны трудящихся». Террор против юридического сообщества мыслился не только как единовременная акция, но и как тотальный перманентный контроль над ним. «Карта врагов бита! Наша славная советская разведка во главе со сталинским наркомом тов. Н. И. Ежовым своевременно разоблачила их и развеяла в прах». Но «последствия вредительства, — отмечали сталинские юристы, — до сих пор изживаются крайне медленно, и это неизбежно сказывается на качестве работы судебных органов»¹⁹.

В-четвертых, закреплялись новые стереотипы социальной и когнитивной адаптации юридического сообщества. Данная цель осуществлялась в рамках постановления ЦИК и СНК СССР от 5 марта 1935 года «О мероприятиях по развертыванию и улучшению

правового образования» — создания правовой академии, школ, курсов переподготовки судей, прокуроров, нотариальных работников, секретарей народных судов и районных прокуратур. Инструментами террора стали уничтожение руководителей и профессуры центральных и региональных юридических институтов, изъятие написанных ими учебников, принятие новых образовательных стандартов и идеологических требований к сообществу. Констатировались «отсутствие систематического контроля за качеством преподавания» и «недостаточная идейно-политическая работа в Институтах» и выдвигалась задача «лучше растить научные кадры и готовить специалистов в Институтах, добиваясь скорейшей ликвидации последствий вредительства»²⁰. Следствием стало формирование слоя советских юристов, воспитанных в догматических традициях, преданность которым режиму поддерживалась рафинированной системой поощрений и кар, сохранявшейся до конца существования СССР.

По результатам принятия Конституции 1936 года и перестройки на ее основе судебная система оказалась в полной деградации. В многочисленных секретных докладных записках (1938) отражены общее недоверие к судьям и плохое качество их работы. Констатируется, что помещения судов расположены неудобно, плохо приспособлены и «безусловно непригодны для суда», «квалификация судей недостаточная», «в работе судей не хватает культуры», «расшатана трудовая дисциплина», что выражается в бюрократической волоките — большом количестве отложенных дел, опозданиях судей, неявках сторон процесса из-за неполучения повесток. Можно представить общую атмосферу этих советских судов: судьи «часто обвиняемых и свидетелей грубо одергивают, называют на ты, иногда очень небрежно одеваются, общеобразовательный уровень никто из них не повышает, все это, конечно, снижает авторитет судьи и качество его работы». Обращается внимание на полную пассивность народных заседателей, которые «очень мало принимают участия в работе суда»: «Вопросов очень мало задают или совсем не задают. Видно, что они не чувствуют ответственности за это дело, а по существу они являются также судьями. С заседателями никакой работы не ведется, учеба для них не организована, а она необхо-

дима, т. к. из них в дальнейшем должны быть судебные работники, а пока этого нет»²¹. В нарсуде Первомайского района г. Москвы ситуация выглядела следующим образом: «В коридорах тесно и темно. Стены залов заплеснаны, загрязнены, а в шестом зале на стенах растут грибы. Кадры судей в основном вербуются из нарзаседателей, поэтому из 7 судей района ни один не имеет юридической подготовки, а являются лишь практиками работы»²². «В Ухтомском районе для ожидания посетителей отведен темный узкий коридор. Скамеек не хватает и посетителям приходится сидеть на полу. Посетители ждут разбора дела по 3–4 часа, не говоря уже о том, что нередко рассмотрение дел по ряду причин откладывается со дня на день»²³.

Судебная власть в СССР по Конституции 1936 года оказалась полностью централизованной, иерархизированной и поставленной под контроль прокуратуры, а юридическое сообщество превратилось в конформистскую привилегированную касту. Эта система становилась действенным инструментом карательной системы, но утрачивала аутентичные функции суда.

2. Конституционная комиссия: механизмы разработки Основного закона

Конституционная комиссия — декоративный и преимущественно церемониальный институт сталинского политического режима. Ее состав, структура и порядок функционирования должны были отразить единство и преемственность руководства, а потому тщательно регламентировались от начала и до конца разработки проекта Конституции. Но ее деятельность дает информацию для понимания установок планируемых работ, характера их обсуждения в системе номинального конституционализма.

Вопрос об изменении Конституции СССР 1924 года был поставлен февральским (1935 года) Пленумом ЦК ВКП(б). По первоначальному замыслу, в действующую Конституцию предполагалось внести лишь некоторые изменения, которые могла утвердить сессия ЦИК, но в ходе своей работы Конституционная комиссия пришла к выводу о необходимости создания проекта новой Конституции СССР²⁴. На основании пункта 2 поста-

новления VII съезда Советов Союза ССР от 6 февраля 1935 года первая сессия ЦИК СССР постановила избрать Конституционную комиссию под председательством Сталина. 7 февраля 1935 года Конституционная комиссия в составе 31 члена была избрана. В нее вошли, во-первых, партийные и советские руководители союзного уровня: А. С. Енукидзе (секретарь ЦИК СССР), А. А. Жданов (первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б)), М. И. Калинин (Председатель ЦИК СССР), В. М. Молотов (Председатель Совнаркома СССР), Е. Д. Стасова (Председатель ЦК МОПР СССР), И. С. Уншлихт (секретарь Союзного Совета ЦИК СССР), В. Я. Чубарь (член Политбюро ЦК ВКП(б), заместитель Председателя Совнаркома СССР); во-вторых, руководители наркоматов: А. С. Бубнов (нарком просвещения РСФСР), К. Е. Ворошилов (нарком обороны СССР), Л. М. Каганович (нарком путей сообщения СССР), Н. В. Крыленко (нарком юстиции РСФСР), М. М. Литвинов (нарком по иностранным делам СССР), А. И. Микоян (нарком пищевой промышленности СССР); в-третьих, руководители судебной системы союзного уровня: И. А. Акулов (Прокурор СССР, с марта 1935 года — секретарь ЦИК СССР), А. Я. Вышинский (заместитель Прокурора СССР, с марта 1935 года — Прокурор СССР), П. А. Красиков (заместитель Председателя Верховного Суда СССР); в-четвертых, советские и партийные руководители республик (наиболее представительная группа): Н. Айтаков (Председатель ЦИК Туркменской ССР), Н. М. Голодец (Председатель Совнаркома Белорусской ССР), Н. М. Ербанов (секретарь Бурятского обкома РКПб), А. И. Икрамов (секретарь ЦК КПб Узбекистана), П. П. Любченко (Председатель Совнаркома Украинской ССР), Г. Мусабеков (Председатель Совнаркома ЗСФСР), Г. И. Петровский (Председатель ЦИК Украинской ССР), А. Р. Рахимбаев (Председатель Совнаркома Таджикской ССР), Д. Е. Сулимов (Председатель Совнаркома РСФСР), Ф. Ходжаев (Председатель Совнаркома Узбекской ССР), А. Г. Червяков (Председатель ЦИК Белорусской ССР); в-пятых, руководители ведущих партийных изданий: Н. И. Бухарин (ответственный редактор газеты «Известия»), Л. З. Мехлис (ответственный редактор газеты «Правда»), К. Б. Радек (заведующий ино-

странным отделом газеты «Известия»)²⁵. Членами Конституционной комиссии, следовательно, стали действующие лидеры, которые непосредственно участвовали в разработке предшествующей Конституции 1924 года или в ее реализации в начале 30-х годов.

Организационные параметры работы комиссии были определены на ее первом заседании 7 июля 1935 года под руководством Сталина²⁶. Было решено назначить заместителями председателя комиссии Молотова и Калинина, секретарем комиссии Акулова и заместителем секретаря комиссии Поскребышева. Было создано 12 подкомиссий по подготовке проектов изменений Конституции: по общим вопросам Конституции (председатель Сталин), экономическая (Молотов), финансовая (Чубарь), правовая (Бухарин), по избирательной системе (Радек), по судебным органам (Вышинский), по центральным и местным органам власти (Акулов), народного образования (Жданов), по труду (Каганович), обороны (Ворошилов), внешних дел (Литвинов), редакция, состоящая из председателей подкомиссий (председатель Сталин)²⁷. Были решены вопросы информационного обеспечения работы комиссии. Предложено «обязать т. Радека организовать перевод и издание существующих конституций и основных законоположений главных буржуазных государств как буржуазно-демократического типа, так и фашистского, и разослать их членам Конституционной комиссии»; «обязать т. Бухарина, Мехлиса и Радека организовать обстоятельный критический разбор конституций основных буржуазных стран на страницах печати». Устанавливался форсированный порядок работы подкомиссий: их руководителям предлагалось «в 5-дневный срок представить списки членов подкомиссий, а редакционной подкомиссии утвердить их»; «поручить подкомиссиям в 2-месячный срок представить каждой по своей области первые наброски проектов изменений Конституции Союза ССР». Предлагалось дать в прессу следующее сообщение: «7 июля с. г. под пред. т. Сталина состоялось первое заседание пленума Конституционной комиссии по внесению изменений в Конституцию СССР, избранной 1-й сессией ЦИК Союза ССР 7-го созыва»²⁸.

Вскоре были определены структура и состав подкомиссий, утвержденные в Протоко-

ле (опросном) редакционной подкомиссии от 15—21 июля 1935 года за подписью Сталина²⁹. В состав подкомиссий вошли в основном расстрелянные вскоре руководящие партийные работники и юристы по соответствующим отраслям деятельности, но в каждую непременно включались доверенные лица из близкого сталинского окружения. В подкомиссию Сталина — по общим вопросам Конституции — вошли В. М. Молотов, М. И. Калинин, С. В. Косиор, А. А. Жданов, А. Н. Стецкий, П. П. Любченко, И. А. Акулов, К. Б. Радек, Н. И. Бухарин³⁰. Деятельность Конституционной комиссии и ее подкомиссий отражена в сохранившихся в архиве протоколах заседаний, проходивших 7 июля — 5 декабря 1935 года³¹. Статус и состав Комиссии и подкомиссий представляют собой коллективный портрет советской политической элиты до начала Большого террора, отражая формальную иерархию партийно-государственного руководства. Большая часть членов Комиссии вскоре стали его жертвами.

3. Работа над текстом проекта Основного закона: параметры селекции конституционных норм

Практическая работа над текстом проекта Конституции велась в подкомиссиях. Ее механизм можно представить по материалам наиболее документированной деятельности подкомиссии «О центральных и местных органах власти» (июль—октябрь 1935 года)³². Председателем подкомиссии был И. А. Акулов — один из организаторов сталинских репрессий, а в ее состав входили А. Г. Червяков, Г. Н. Петровский, Н. В. Крыленко, Г. Мусабеков, Д. Е. Сулимов, И. А. Филатов, Г. М. Леплевский, Е. Б. Пашуканис³³. Изначально компетенция подкомиссии ограничивалась принятием исходных установок — Общих положений о государственном устройстве СССР³⁴. 25 июля 1935 года была утверждена «общая формула» о центральных органах власти, предполагавшая замену ЦИК «Верховным законодательным собранием СССР»³⁵. Другим ограничением стали временные рамки работы: пленум Конституционной комиссии дал двухмесячный срок всем подкомиссиям для представления первых проектов порученных им разделов Конституции. Этот форсированный режим работы исключал постоян-

ное участие всех членов подкомиссии в ее работе. «Собрать пленум подкомиссии по центральным и местным органам власти, — писал Акулов 13 августа 1935 года, — не представилось возможным ввиду того, что часть членов подкомиссии (т.т. Петровский, Червяков) находились и находятся в отпуску, другую часть (т.т. Мусабеков, Ф. Ходжаев) я не решился вызывать в Москву, чтобы не отрывая их на долгое время от работы. Чтобы не терять время и попытаться дать проект к установленному сроку, я созвал совещание находившихся в Москве членов подкомиссии, на котором мы наметили схему и основные положения раздела “Конституции” о центральных и местных органах власти и поручили специально разработанным подкомиссиям взяться за выработку текстов, руководствуясь этой схемой и основными положениями»³⁶.

Работа подкомиссии на начальной стадии (с 25 июля по 8 октября 1935 года) осуществлялась путем совещаний членов подкомиссии и создания отдельных «бригад»³⁷. В ходе специального обсуждения общего вопроса «О территориальном делении союзных и автономных республик и краев» (27 июля 1935 года)³⁸ было решено разделить работу по разделам, создав три «бригады», разработавших главы Конституции: «О центральных органах власти союзных республик» (под руководством Пашуканиса); «Об автономных республиках и областях, краях, областях и округах» (руководитель Сулимов); «О районах, городах и селах» (руководитель Акулов), в состав которых помимо функционеров входили юристы (Крыленко, Юдин, Берман)³⁹. Именно юристы готовили тексты соответствующих разделов конституционного проекта. Уже 31 июля 1935 была готова Схема и основные положения разделов Конституции о центральных и местных органах власти⁴⁰ и выработаны общие рекомендации⁴¹. В дальнейшем (в октябре 1935 года) работа подкомиссии велась в режиме консультаций (совещаний) руководителей бригад подкомиссии «О центральных и местных органах власти»⁴². Ключевыми разработчиками концепции выступили Крыленко и Пашуканис, которым было предложено «в двухдневный срок представить проект вводной части раздела “О центральных и местных органах власти”»⁴³. Результатом стала записка Крыленко

«Проект о центральных и местных органах власти СССР»⁴⁴. Сходным образом 8 октября 1935 года было решено «поручить тт. Крыленко, Лебедь и Пашуканису разработать раздел главы о городских и сельских Советах, предусмотрев в ней только те специфические особенности городских и сельских Советов, которые отличают их от других органов советской власти»⁴⁵.

Итоговые документы носили коллективный характер. В письме Акулову Крыленко говорил о согласованном характере подготовленного документа. «Посылаю Вам, — писал он, — согласованный с тт. Пашуканисом и Берманом текст вводных статей и раздела Конституции о центральной и местной власти». Также учтены были отдельные поправки Юдина, Кумыкина, Алымова и Ходжаева об автономиях и Советах⁴⁶. Разногласия в подкомиссии не имели принципиального характера и преодолевались на завершающем этапе (1936) путем сопоставления различных редакций соответствующих статей⁴⁷. Наиболее спорные вопросы были вынесены на заседание пленума подкомиссии (22 и 27 октября 1935 года)⁴⁸. С организационной стороны, вопрос о взаимодействии с другими членами подкомиссии решался путем отправки телеграмм и обмена информацией на пленарных заседаниях подкомиссии⁴⁹. Когда созыв был невозможен, документы направлялись почтой⁵⁰. Координацией этой работы занимался секретариат Президиума ЦИК Союза ССР (Акулов, выполнявший функции председателя подкомиссии, был одновременно секретарем ЦИК СССР)⁵¹. Предполагалась систематическая отчетность перед Секретариатом Конституционной комиссии, в которую направлялись промежуточные материалы (февраль 1936 года)⁵².

Деятельность других подкомиссий отражена в документах гораздо слабее. Организация правовой подкомиссии фиксируется в записке Бухарина Акулову с предложением состава подкомиссии, в которую входили представители других подкомиссий. В нее предполагалось включить следующих лиц: 1) Крыленко; 2) Вышинский; 3) Любченко; 4) Хацкевич; 5) Пашуканис; 6) Стасова; 7) Красиков; 8) Лапинский. Датировка начала работы определяется подписью: «Твой Бухарин, 9 июня 1935 г.»⁵³ Однако сведений о работе подкомиссии практически нет, и это

наводит на мысль о том, что либо она не собиралась, либо ее документы были изъяты. Роль Бухарина в разработке Конституции, по косвенным свидетельствам (К. Радека), очень значительная⁵⁴, никак не отражена в документах.

Документирован созыв подкомиссии внешних дел в октябре 1935 года⁵⁵, сохранился протокол ее заседания от 25 ноября 1935 года⁵⁶. Подкомиссией внешних дел был подготовлен (к 3 декабря 1935 года) проект статей новой Конституции, касающихся внешней политики⁵⁷. «При составлении статей новой Конституции, имеющих отношение к внешним делам, — отмечается в докладной записке ведомства Литвинова, — подкомиссия исходила как из действующего советского законодательства по этим вопросам, так и из учета круга вопросов, затронутых в конституциях иностранных государств»⁵⁸. Представлен Проект докладной записки о внешнеполитическом разделе новой Конституции СССР⁵⁹. Предметом специального рассмотрения стали вопросы гражданства и гражданских прав⁶⁰.

Для работы подкомиссий готовились специальные справочные материалы — по центральным и местным органам власти⁶¹. Была собрана и систематизирована литература Правительственной библиотеки по вопросам конституционных преобразований⁶², систематически велся мониторинг советской и иностранной печати. В конечном счете, материалы Конституционной комиссии и ее подкомиссий суммировались и редактировались особой редакционной группой ЦК ВКП(б), что свидетельствовало об абсолютном приоритете партийных установок в подготовке проекта Конституции СССР.

4. Принятие Конституции «победившего социализма»

Деятельность Конституционной комиссии по выработке окончательного проекта включала ряд стадий⁶³. На начальной стадии были сформулированы общие принципы Конституции — Перечень вопросов к предстоящей разработке Конституции СССР⁶⁴. К концу сентября 1935 года в Секретариат Комиссии были представлены первоначальные наброски четырех разделов проекта Конституции: о центральных и местных органах власти; об орга-

низации судебных органов СССР и союзных республик; по избирательной системе; по внешним делам. К концу 1935 года в Секретариат поступили наброски ряда других разделов проекта Конституции.

В январе—марте 1936 года материалы подкомиссий были направлены Секретариатом Конституционной комиссии в ЦК ВКП(б), в котором была создана редакционная группа в составе Я. А. Яковлева (заведующий Сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б), член экономической подкомиссии), А. И. Стецкого (заведующий Отделом партийной пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), член подкомиссии по общим вопросам Конституции); Б. М. Талья (в 1936 году заведующий Отделом печати и издательств ЦК ВКП(б)) — все позднее репрессированы. Именно эта группа подготовила первоначальный проект и представила его Сталину в середине апреля 1936 года. 17, 18, 19 и 22 апреля 1936 года проходили совещания у Сталина по обсуждению указанных черновых набросков проекта Конституции с участием этих трех человек, Сталина и Молотова. Документы позволяют судить о вкладе Сталина в разработку Конституции — это, в сущности, ряд общих указаний, касающихся идеологических установок и структуры власти. В материалах Комиссии документированы поправки, внесенные Сталиным на совещании 19 апреля 1936 года⁶⁵. В источниках зафиксирован ряд устных указаний Сталина по вопросам структуры государственно-управления⁶⁶, определивших конфигурацию институтов центральной власти⁶⁷. Определенное влияние на выработку позиции Сталина, как отмечалось ранее, могли оказать поданные на его имя индивидуальные записки от Крыленко, Вышинского и Г. Байчурина⁶⁸.

Следующая стадия разработки проекта показывает приоритет в ней партийных инстанций. 30 апреля 1936 года первоначальный текст Конституции⁶⁹, одобренный редакционной подкомиссией, был размножен и разослан членам Политбюро ЦК ВКП(б) и членам Конституционной комиссии ЦИК СССР⁷⁰. Сохранились тексты проекта с их редакционной (уточняющей) правкой по ручкой на полях соответствующих экземпляров⁷¹. 15 мая проект был вынесен на обсуждение пленарного заседания Конституционной комиссии, которая постановила внести его на рассмотрение ближайшей сессии ЦИК СССР⁷². 1 июля

Пленум ЦК ВКП(б) одобрил в основном проект Конституции СССР и ввиду особой важности счел целесообразным созыв Всесоюзного съезда Советов СССР 11 июля 1936 года⁷³. Президиум ЦИК СССР решил опубликовать проект Конституции для всенародного обсуждения. «Всенародное обсуждение» проходило 5 месяцев. В нем приняли участие более 36,5 млн человек. В ноябре 1936 года Отделом Президиума ЦИК СССР было учтено 43 427 предложений и дополнений к проекту Конституции СССР. Наибольшее количество предложений и поправок было внесено в главу I «Общественное устройство» (1 061), главу X «Основные права и обязанности граждан» (6 354) и главу XI «Избирательная система» (3 014)⁷⁴. «Всенародным обсуждением» решались одновременно три задачи: 1) идеологическая индоктринация — «демонстрация беззаветной любви к социалистической родине, преданности делу социализма, любви и благодарности к великому Сталину»; 2) мобилизация на достижение хозяйственных целей (повышение «производительности труда»); 3) выявление врагов партии — «замаскированных агентов, обманном путем проникших в ее ряды»⁷⁵. Наконец, важная цель состояла в обмане Запада — демонстрация «фашизирующимся государствам Европы» демократизма советского режима и его Конституции, в обсуждении проекта которой «участвовал весь советский народ»⁷⁶. Можно сказать, что эта задача, учитывая комплиментарные высказывания о Конституции в западной прессе, отчасти была достигнута. В результате подчеркивалось (А. Тивель), что величайшее историческое значение проекта Конституции «не могут отрицать даже враги»⁷⁷.

Завершающий этап разработки Конституции был связан с ее формальным принятием и легитимацией. 10 ноября 1936 года редакционная группа представила Сталину проект с поправками и письмом Яковлева. В письме Я. А. Яковлев писал: «Т. Сталину! Согласно Вашего поручения, я прочел все собранные поправки к проекту Конституции и обдумал проект Конституции СССР в сопоставлении с проектами Конституции союзных республик. Справа на машинке — написал черновой набросок некоторых поправок. С Ком. пр. Я. Яковлев» (ноябрь 1936 года)⁷⁸. В проект Конституции предполагалось внести 61 до-

полнение и изменение, значительная часть которых имела редакционный характер. Итоговый проект, одобренный редакционной подкомиссией Конституционной комиссии, был направлен на рассмотрение Конституционной комиссии ЦИК Союза ССР⁷⁹. Проект Конституции Союза ССР, рассмотренный ею и одобренный Президиумом ЦИК Союза ССР, был внесен на рассмотрение VIII Чрезвычайного съезда Советов СССР, открывшегося 25 ноября 1936 года⁸⁰. Для рассмотрения поправок и дополнений съезд образовал редакционную комиссию, которая внесла в проект 43 поправки, касающиеся 32 статей Конституции. Из них, по словам Сталина, «можно было бы признать сколько-нибудь существенными 6 или 7 поправок»⁸¹. 5 декабря 1936 года в результате постатейного голосования проекта был единогласно утвержден окончательный текст Конституции Союза ССР 1936 года⁸².

Принятие Конституции на Чрезвычайном VIII съезде Советов было режиссировано таким образом, чтобы зафиксировать когнитивный поворот общества как «победу социализма в новой советской Конституции, созданной гением Сталина»⁸³. Первая задача заключалась в демонстрации социальной поддержки диктатуры широкими слоями населения — крестьянством и беспартийными. В докладе председателя мандатной комиссии съезда Я. А. Яковлева было отмечено увеличение представительства на съезде этой категории «строителей социалистического общества» или так называемых «непартийных большевиков» по сравнению со II съездом (когда принималась Конституция 1924 года)⁸⁴. Вторая задача заключалась в демонстрации преимуществ советской демократии в сравнении с Веймарской конституцией и диктатурой Гитлера, в отличие от Сталина пришедшего к власти путем всеобщих выборов. Подчеркивалась поэтому важность перехода к всеобщему избирательному праву при одновременном призыве к продолжению террора — уничтожению «врагов социализма», в качестве которых фигурировали как фашисты, так и сторонники оппозиции, вообще «вредители». «Советский народ, — отмечалось в прениях, — считает, что именно потому, что он монолитен, сплочен в своих действиях, именно потому, что он ценой величайших жертв создал свое социалистическое отечество, он

вправе и обязан уничтожить всякого врага — троцкиста, зиновьевца, националиста, меньшевика... (продолжительные аплодисменты)... который смеет поднять руку против социалистического строительства, против его испытанных, верных руководителей»⁸⁵. Третья задача может быть определена как конституционная легитимация сталинского руководства. «Сталинская конституция», согласно ее апологетам, — это «могучее дыхание подлинной свободы»⁸⁶, «хартия победившего в СССР социализма», «программа борьбы за социализм во всем мире»⁸⁷, «единственная в мире подлинно гуманистическая Конституция»⁸⁸. В обильном славословии в адрес Сталина на первое место выдвигалась его роль как теоретика коммунизма, создателя новой политической системы и ее символа: «вождь, гигант человечества, наш отец»⁸⁹.

5. Консолидация режима единоличной диктатуры: выборы, террор и культ личности

Проведенный анализ позволяет ответить на вопрос о роли Конституции 1936 года в формировании сталинского режима. Он может быть определен как цезаристская диктатура, социологическая формула которой состоит в расширении социальной базы режима при устранении прежних элитных групп для обеспечения прямой легитимации единоличной монополии диктатора на власть и насилие.

Основная цель принятия нового Основного закона заключалась, во-первых, во введении новых принципов социального конструирования, которое охватывало теперь все население страны («советский народ» или «трудящиеся»), формально устраняя все предшествующие классово-сословные ограничения. Принципиальная новизна новой Конституции по сравнению с предшествующими декларативно определялась ее инициаторами как переход к «подлинной социалистической демократии» — отказу от классовых ограничений избирательного права при сохранении однопартийной диктатуры. Конституция, согласно разъяснениям Молотова, устанавливала впечатляющие демократические гарантии — всеобщие, прямые, равные и тайные выборы во все Советы трудящихся вплоть до высших органов Советской власти, заменяла многоступенчатые выборы средних и высших органов

Советской власти прямыми выборами, отмечая имевшиеся преимущества пролетариев перед крестьянами при выборах в Советы, снимала вопрос о лишенцах, поскольку все граждане получали формальное право выбирать и быть избранными в Советы, вместо открытых выборов вводила тайные выборы в Советы. Прокламиривался институт всенародного опроса (референдума) «для тех случаев, когда это будет признано необходимым Верховным Советом СССР или одной из союзных республик». На стадии обсуждения проекта Конституции был сделан даже намек на возможность включения в списки не одного, а нескольких кандидатов в Советы, которых «наряду с организациями большевистской партии могут выставлять также многочисленные у нас беспартийные организации»⁹⁰. Речь шла о предоставлении права выдвижения кандидатов «общественным организациям» и «обществам трудящихся» — коммунистическим партийным органам, профессиональным союзам, кооперативам, органам молодежи, культурным объединениям и другим организациям, зарегистрированным в установленном порядке (ст. 141 Конституции). Этот принцип был зафиксирован в Положении о выборах в Верховный Совет СССР⁹¹ и даже стал основой лицемерных заявлений прокурора Вышинского о «предотвращении нарушений избирательных прав граждан» в союзных республиках⁹². Все это означало, говоря словами Токвиля, формальное равенство в деспотии.

Во-вторых, целью Конституции явилась легитимация однопартийной диктатуры, что предполагало резкое формальное ограничение действия правовых гарантий. Этот тезис неоднократно подчеркивал Сталин: «Где нет нескольких классов, не может быть нескольких партий, ибо партия есть часть класса»⁹³; «в СССР имеется почва только для одной партии, коммунистической партии», «может существовать лишь одна партия — партия коммунистов»⁹⁴. «За бортом, — говорил Молотов, — остается только (!) право на легальность для политических партий, кроме партии коммунизма», «другие политические партии, как показал весь наш опыт, являются только агентурой реставраторов капитализма, не может быть места для их легализации»⁹⁵.

В-третьих, реализация мобилизационной функции выражалась в принятии формулы

избирательного законодательства, исключавшей неконтролируемый характер народного волеизъявления. Населению разъяснялось, что введение всеобщего избирательного права вовсе не означает «отступление от принципов диктатуры пролетариата и поворот в сторону буржуазно-демократического строя»⁹⁶, демократические выборы неверно понимать как «борьбу между политическими партиями»⁹⁷, напротив, демократизация избирательной системы означает расширение социальной базы диктатуры⁹⁸, а избирательная кампания в Верховный Совет имеет целью исключительно ее укрепление⁹⁹. Важной функцией выборов становилась легитимация террора против оппонентов режима (как действительных, так и потенциально возможных). «Конституция, — подчеркивал Яковлев на закрытом партийном собрании 10 июня 1936 года, — строит все выборные органы на основе всеобщего равенства и прямого избирательного права при тайном голосовании». Однако буквальное проведение этого принципа, говорил он, цитируя Н. Ежова, может быть неправильно истолковано «пассивными коммунистами» и использовано оппонентами режима, ибо «враг не дремлет!»¹⁰⁰ В ходе выборов по новой Конституции, считало партийное руководство (А. Жданов), «придется иметь дело с враждебной агитацией и кандидатурами», о чем говорит «оживление антисоветских элементов», стремящихся использовать «легальные возможности, предоставляемые новой Конституцией»¹⁰¹, а сами выборы, по словам Вышинского, продемонстрировали бы «вражескую работу», состоящую в «покушениях на наш новый избирательный закон»¹⁰².

Нельзя согласиться с тезисом о том, что избирательные ограничения были связаны с угрозой прохождения неугодных кандидатов, это исключалось организацией «избирательной кампании» — порядком выдвижения кандидатов, не допускавшим импровизацию, и возможностью в любой момент скорректировать неправильный «выбор народа». Выборы изначально задумывались как фарс, поскольку вместо обещанной «конкуренции» различных кандидатов от «общественных организаций» дело свелось к выдвижению заранее утвержденных партийных кандидатур. Верховный Совет оказался вполне фиктивным институтом, а «депутатская неприкосно-

венность» не защищала «народных представителей» от арестов между его сессиями — без объяснения причин отсутствия депутатов или последующего заполнения «вакантных мест» путем дополнительных выборов. «Советский парламентаризм» стал пародией на демократическое народное представительство.

Связь принятия Конституции с террором очевидна, но должна получить новую интерпретацию. Конституция и ее «всенародное обсуждение», безусловно, ставили задачи демонстрации демократичности системы и обмана Запада, но этим не исчерпывается ее значение. Конституция была не столько прикрытием террора (как думали некоторые русские и иностранные современники), сколько правовой основой его проведения, задавая масштаб, смысл и порядок его осуществления. Во-первых, прослеживается связь инициирования конституционных поправок с началом террора, который Сталин, по свидетельству успешного бежать на Запад А. Бармина, задумал, руководствуясь успешным опытом Гитлера, физически уничтожившего в 1934 году своих противников при полном равнодушии всего «цивилизованного мира»¹⁰³. Во-вторых, понятен переход от идеи отдельных конституционных поправок (1935) к принятию нового Основного закона именно в 1936 году, когда стала необходима масштабная мобилизационная акция, способная объединить «политически неискушенные слои населения» для легитимации фактического переворота — начавшегося уничтожения всей старой элиты. В-третьих, понятны сроки и форсированный режим разработки и принятия новой Конституции (5 декабря 1936 года) — между двумя московскими процессами — Зиновьева и Каменева (август 1936 года) и Радека — Пятакова (январь 1937 года), в ходе которых обвинения в терроризме сменились более радикальными обвинениями в подготовке внешней интервенции, а также включение в Конституционную комиссию ряда оппозиционеров (в том числе Бухарина и Радека), призванное продемонстрировать фикцию единства и преемственности партийно-государственного руководства. Наконец, принятие Конституции открыло шлюзы Большому террору 1937–1938 годов — целенаправленной акции в масштабах всего государства¹⁰⁴, осуществлявшейся под руководст-

вом «Большевистского Марата» Н. Ежова и направленной против партийных, государственных и военных деятелей, в ходе которой было арестовано до 1,5 млн человек, около половины из которых были расстреляны¹⁰⁵. Формальное окончание террора было зафиксировано постановлением ЦК и СНК «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», утвержденным на Политбюро 17 ноября 1938 года, и официально представлено как возврат к «нормальному» конституционному порядку, исключавшему спонтанные перегибы и нарушения в проведении репрессий. Террор начинает интерпретироваться скорее как чрезвычайная акция, хотя на деле его методы применяются и в дальнейшем¹⁰⁶.

Имманентная связь Конституции и террора выражает особенности утверждения данной системы и когнитивного закрепления ее принципов, прежде всего «двоемыслия» — необходимости для индивида следовать одновременно формальным и неформальным предписаниям системы, быстро реагируя на изменение их соотношения. Конституция — необходимая формальная рамка террора, но последний фактически определяет приоритеты и порядок разработки Конституции, селекцию ее принципов и норм, их идеологическое толкование и применение. Террор оказывается необходимым инструментом преодоления когнитивного диссонанса, выражающего несоответствие формальных конституционных норм и реальности, но одновременно служит для когнитивного закрепления соответствующих стереотипов — неписаных наград и кар за санкционированное и отклоняющееся поведение. Отработка взаимодействия формальных и неформальных норм — главная цель мобилизационной кампании по обсуждению Основного закона, своего рода социальная дрессировка общества по новым правилам. Это были, в сущности, именно те нововведения, которые Макиавелли рекомендовал Князю для удержания завоеванной территории.

Функция культа личности в этой системе принципиальна, поскольку фиксирует роль вождя как верховного жреца идеологического культа, контролера, медиатора и цензора¹⁰⁷. Особенность советского вождизма выявляется при сравнении с немецким вариантом. В Германии культ личности фюрера возник

вследствие глубокого кризиса парламентской системы и широко распространенной ностальгии по харизматическому лидеру, статус которого получал юридическое закрепление (в принципе фюрерства). В России возникновение культа личности объяснялось кризисом легитимности однопартийного режима, оказавшегося неспособным выполнить свои коммунистические обещания, совершив мировую революцию¹⁰⁸. Понятие культа личности было заимствовано советской правовой доктриной из опыта германской социал-демократии, где Ф. Лассаль, по словам А. Бебеля, создал организацию, «обеспечивавшую ее вождю диктаторскую власть», которая «была превращена в святыню», всякая критика которой «считалась чуть ли не государственным преступлением», а идеологическим выражением стал «постоянно поддерживаемый культ Лассаля и созданной им организации». Вождю в этой системе начинают поклоняться не как доверенному лицу, но как «господину». Если партия, отмечал он в контексте этих размышлений, «замечает, что ее обманывают и мистифицируют и ведут по ложному пути, то она не только имеет право, но и обязана отнять у вождя его руководящую роль и лишить его своего доверия», ибо «партия обязана самым строгим образом контролировать действие своих вождей»¹⁰⁹. Именно такова была позиция критиков культа личности Сталина — Х. Раковского, Ф. Раскольникова, М. Рютина¹¹⁰ и других, но они не объяснили причин постоянного воспроизводства этой тенденции в коммунистических режимах. Объяснение, предложенное Троцким, связывало принятие новой Конституции с «термидором», но не выглядело убедительно, поскольку не выходило за традиционные рамки классовой марксистской схемы¹¹¹.

Главная причина этой трансформации, как показал еще Р. Михельс, состоит в том, что вождь как выразитель, защитник и истолкователь программных партийных устремлений персонифицирует их в глазах адептов, а публичная политика из конституционно-правовых форм переходит в область аппаратных махинаций и персонального искусства лидера. Несмотря на безмерность сталинского культа, Л. Фейхтвангер не нашел поэтому «признаков, указывающих на искусственность этого чувства». Он определил Сталина как «демократического диктатора» и резюмировал:

«Если Ленин был Цезарем Советского Союза, то Сталин стал его Августом, его “умножателем” во всех отношениях»¹¹². На деле данный режим был новым воспроизведением классической тирании, как ее описали еще Платон и Аристотель. Соединение идеологического предвидения, полной информированности и неограниченной свободы применения насилия для политического конструирования оказывалось возможным только при абсолютной власти, создании автономной тайной системы коммуникаций и владении искусством ее использования — «византийском стиле» Сталина как мастера политической интриги.

Ключевая проблема номинального конституционализма — пропасть между декларируемыми нормами и реальностью — снимается за счет внеконституционных (политических) институтов контроля и толкования Конституции. Устойчивость и долговременное существование данной политико-правовой конструкции возможны только при воспроизводстве когнитивного доминирования партии в обществе, его утрата ведет к эрозии всей системы информационных коммуникаций — закрепляющих их формальных и неформальных норм. Гибкость этой системы определяется соотношением правовых и идеологических источников права — возможностью трансформации правовых принципов и норм путем толкования их смысла в зависимости от меняющейся политической конъюнктуры. Гарантом Конституции выступает здесь партия (Политбюро), точнее — ее вождь, являющийся, подобно «верховному жрецу» Древнего Египта или Империи инков, высшей инстанцией в определении соответствия писаных норм квазирелигиозным (идеологическим) постулатам. Это делает необходимым институт культа личности — соединение всех видов власти на идеологическом (метаконституционном) уровне в медиативной функции вождя, выступавшего как совершенный и непрекрасимый арбитр в отношениях общества и государства, права и власти, вообще в интерпретации смысла существования.

Как всякая классическая тирания, сталинский режим опирался на произвол и не имел даже тех социальных, религиозных и правовых ограничений, которые присутствовали в эпоху самодержавия. Макиавеллистический ум Сталина позволил создать систему неогра-

ниченной власти, которая не была тождественна историческим аналогам теократии и абсолютизма. В то же время она отличалась от других форм тоталитаризма и авторитаризма своего времени отказом от соблюдения собственных декларированных правовых норм и формально деперсонифицированным характером власти. Данная политико-правовая система, будучи фундаментально антиправовой, обладала устойчивостью и функциональностью в условиях быстрой социальной мобилизации, но утрачивала это преимущество и вела к стагнации на следующем этапе развития. Выход из системы путем ее правовой корректировки становился невозможен, равно как и юридически легитимный способ передачи власти от одного диктатора другому.

Медушевский Андрей Николаевич — ординарный профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (факультет социальных наук).

amedushevsky@mail.ru

- ¹ См.: Протоколы заседаний Конституционной комиссии для внесения изменений в Конституцию Союза ССР, избранной первой сессией ЦИК Союза ССР седьмого созыва, заседаний подкомиссии конституционной комиссии и материалы к ним с 7 июля по 5 декабря 1935 г. // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Здесь и далее ссылки на архивные документы даются по фондам ГА РФ.
- ² Замечания на проект главы Конституции «Об организации судебных органов Союза ССР и союзных республик» от 28 сентября 1935 г. № 68/5040: Записка от Наркома юстиции Крыленко в ЦК ВКП(б) т. Сталину, Секретарю ЦИК СССР Акулову и Прокурору СССР Вышинскому // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Л. 34–40.
- ³ Там же. Л. 34 и 37.
- ⁴ Препроводительная Вышинского в Комиссию Акулова от 15 сентября 1935 г. № 321/лс и сам материал к проекту Конституции — глава «Об организации судебных органов СССР и союзных республик» // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Л. 41–42.
- ⁵ Там же. Л. 46.
- ⁶ См.: Об организации судебных органов СССР и союзных республик (Вышинский) // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Л. 47–52.
- ⁷ См.: *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. М.: РОССПЭН, 2008. С. 148, 151–157, 167–171, 347.

- ⁸ *Вышинский А. Я.* Вопросы теории государства и права. М.: Госюриздат, 1949. С. 89–90.
- ⁹ *Вышинский А.* Советский суд и советская демократия // *Большевик.* 1936. № 10. С. 24.
- ¹⁰ *Вышинский А. Я.* К положению на фронте правовой теории. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1937. С. 24, 44.
- ¹¹ *Вышинский А.* Об укреплении революционной законности в период социализма // *Большевик.* 1934. № 18. С. 46.
- ¹² Ф. 3316. Оп. 40. Д. 2. Л. 162 об.
- ¹³ См.: Материалы к Конституции СССР, посланы для Секретариата конституционной комиссии как черновой набросок в феврале 1936 г. // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 4. Л. 16.
- ¹⁴ Некоторые данные о подготовке Конституции СССР 1936 года и рассмотрении этих материалов у Сталина: Докладная записка тов. Брежневу Л. И. (1962 г.) // Ф. 7523 (Верховный Совет СССР). Оп. 131. Д. 1. Л. 53.
- ¹⁵ *Голунский С. А., Карев Д. С.* Учебник по судостроительству. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. С. 5, 58–66.
- ¹⁶ См.: ВС СССР. Комиссия законодательных предположений Совета Национальностей. Докладные записки, стенограммы, справки о работе НКЮ СССР (1938 г.) // Ф. 7523. Оп. 9. Д. 71. Л. 182.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. Л. 233–234.
- ¹⁹ Там же. Л. 325.
- ²⁰ Справка о состоянии юридического образования за подписью начальника управления учебными заведениями НКЮ СССР К. Горшенина // Ф. 7523. Оп. 9. Д. 71. Л. 20–25.
- ²¹ Докладная записка о работе народного суда — Железнодорожного суда г. Москвы от 3 августа 1938 г. // Ф. 7523. Оп. 9. Д. 71. Л. 126–129.
- ²² Докладная о работе нарсудов Первомайского района от инструктора по пропаганде ЦК ВЛКСМ Желтуховой секретарю ЦК ВЛКСМ тов. Пчеловой. // Ф. 7523. Оп. 9. Д. 71. Л. 130–137.
- ²³ Докладные записки, стенограммы, справки о работе НКЮ СССР (1938 г.) // Ф. 7523. Оп. 9. Д. 71. Л. 293.
- ²⁴ См.: Некоторые данные о подготовке Конституции СССР 1936 года и рассмотрении этих материалов у Сталина: Докладная записка тов. Брежневу Л. И. (1962 г.) // Ф. 7523. Оп. 131. Д. 1. Л. 17–20.
- ²⁵ См.: Об образовании Конституционной комиссии для внесения некоторых изменений в Кон-

- ституцию Союза ССР. Постановление от 7 февраля 1935 г. // Правда. 1935. 8 февраля. № 38 (6284).
- ²⁶ См.: Первое заседание пленума Конституционной комиссии (о создании подкомиссий) // Правда. 1935. 8 июля. № 186 (6432).
- ²⁷ См.: Протокол № 1 заседания Конституционной комиссии для внесения изменений в Конституцию Союза ССР, избранной первой сессией ЦИК Союза ССР седьмого созыва, 7 июля 1935 г. // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Л. 1–2.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Протокол (опросный) редакционной подкомиссии от 15–21 июля 1935 г. За подписью Сталина // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Л. 4–5.
- ³⁰ См.: Первое заседание пленума Конституционной комиссии // Правда. 1935. 8 июля. № 186 (6432).
- ³¹ Протоколы заседания Конституционной комиссии для внесения изменений в Конституцию Союза ССР, избранной первой сессией ЦИК Союза ССР седьмого созыва, заседания подкомиссии Конституционной комиссии и материалы к ним с 7 июля по 5 декабря 1935 г. // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81.
- ³² См.: Разная переписка по делам конституционной подкомиссии «О центральных и местных органах власти». Июль–октябрь, 1935 г. // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 32.
- ³³ См.: Копия отношения о составе редакционной подкомиссии Конституционной комиссии «О центральных и местных органах власти», июль 1935 г. // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 32. Л. 1.
- ³⁴ Общие положения о государственном устройстве СССР // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 32. Л. 11–12.
- ³⁵ Подготовительные работы конституционной подкомиссии «О центральных и местных органах власти». Протоколы № 1, 2, 3/1 с 25 по 31 июля 1935 г.: Протокол № 1 от 25 июля 1935 г. (Присутствовали Акулов, Сулимов, Крыленко, Леплевский, Пашуканис) // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 26. Л. 1.
- ³⁶ Копия письма И. Акулова членам подкомиссии от 13 августа 1935 г. // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 32. Л. 3.
- ³⁷ См.: Повторные протоколы к материалам совещаний членов подкомиссии и бригад по выработке текста раздела Конституции по центральным и местным органам власти Союза ССР с 25 июля по 8 октября 1935 г. // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 27. Л. 1–157.
- ³⁸ См.: Подготовительные работы конституционной подкомиссии: Протокол № 2 от 27 июля 1935 г. «О территориальном делении союзных и автономных республик и краев» // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 26. Л. 11.
- ³⁹ См.: Там же. Л. 10–12.
- ⁴⁰ См.: Подготовительные работы конституционной подкомиссии: Протокол № 3 совещания членов подкомиссии от 31 июля 1935 г. // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 26. Л. 34.
- ⁴¹ См.: Там же. Л. 39.
- ⁴² Препроводительная от 1 октября 1935 г. к первому проекту раздела Конституции «О центральных и местных органах власти» // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 28. Л. 1–5.
- ⁴³ Протокол № 2 совещания руководителей бригад по выработке раздела Конституции по центральным и местным органам власти // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 28. Л. 6.
- ⁴⁴ Проект о центральных и местных органах власти СССР (Крыленко) // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 28. Л. 7–34.
- ⁴⁵ Протоколы и материалы совещаний руководителей бригад по выработке текста раздела Конституции «О центральных и местных органах власти» с 1 по 11 октября 1935 г.: Протокол совещания по выработке текста раздела Конституции СССР «О центральных и местных органах власти» от 8 октября 1935 г. // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 28. Л. 35–36 («Городские и сельские Советы»).
- ⁴⁶ См.: Отдельные предложения членов подкомиссии и бригад к разделу Конституции СССР «О центральных и местных органах власти» (1936) // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 30. Л. 13, 16–17.
- ⁴⁷ См.: Предложения Н. Крыленко к разделу Конституции // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 30. Л. 9–10.
- ⁴⁸ См.: Протоколы и материалы пленума подкомиссии и редакционной комиссии по выработке и редактированию текста раздела Конституции «О центральных и местных органах власти» от 22 и 27 октября 1935 г. // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 29.
- ⁴⁹ См.: Копия телеграммы Акулова Мусабекову, Ф. Ходжаеву об окончании предварительных работ по выработке текста раздела Конституции и созыве пленума подкомиссии на 22 октября 1935 г. (от 10 октября 1935 г.) // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 28. Л. 118.
- ⁵⁰ См.: Копия препроводительной членам подкомиссии (Г. И. Петровский, А. Г. Червяков, Д. Я. Сулимов, Н. В. Крыленко, И. А. Филатов, Г. М. Леплевский, Я. Б. Пашуканис, а также Мусабеков и Ходжаев почтой) к тексту раздела Конституции от 11 октября 1935 г. // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 28. Л. 120.

- ⁵¹ См.: Письма от т. Акулова (его секретаря Н. Оленева) из Секретариата Президиума ЦИК Союза ССР // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 28. Л. 1 и др.
- ⁵² См.: Материалы к Конституции СССР, посланы для Секретариата Конституционной комиссии как черновой набросок в феврале 1936 г. // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 4. Л. 1–66.
- ⁵³ Записка Н. Бухарина Акулову с предложением состава правовой подкомиссии // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Л. 14.
- ⁵⁴ См.: *Коэн С. Бухарин: Политическая биография. 1888–1938. М. : Прогресс, 1988. С. 424–425.*
- ⁵⁵ См.: Письмо наркома иностранных дел Литвина от 29 октября 1935 г. № 912 Акулову о созыве подкомиссии // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Л. 53–54.
- ⁵⁶ См.: Копия протокола заседания подкомиссии внешних дел Конституционной комиссии, избранной первой сессией ЦИК СССР, от 25 ноября 1935 г. // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Л. 55–58.
- ⁵⁷ См.: Копия препроводительной от 3 декабря 1935 г. № 19093 к докладной записке подкомиссии внешних дел с проектами статей новой Конституции, касающихся внешней политики // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Л. 59.
- ⁵⁸ Докладная записка подкомиссии внешних дел от 3 декабря 1935 г. в Конституционную комиссию // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Л. 60.
- ⁵⁹ Проект докладной записки о внешнеполитическом разделе новой Конституции СССР // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Л. 81–100.
- ⁶⁰ Подробнее см.: Вопросы гражданства и гражданских прав // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Л. 94.
- ⁶¹ См.: Материал по центральным и местным органам власти за подписью Уншлихта // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Л. 103–107.
- ⁶² См.: Список литературы по конституционным вопросам, имеющейся в Правительственной библиотеке // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 32. Л. 35–37.
- ⁶³ См.: Некоторые данные о подготовке Конституции СССР 1936 года и рассмотрении этих материалов у Сталина: Докладная записка тов. Брежневу Л. И. (1962 г.) // Ф. 7523 (Верховный Совет СССР). Оп. 131. Д. 1. Л. 17–20.
- ⁶⁴ Перечень вопросов к предстоящей разработке Конституции СССР // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 81. Л. 20–28.
- ⁶⁵ См.: Черновые наброски проекта Конституции СССР, представленные тт. Яковлевым, Стецким, Талем, с поправками, внесенными т. Сталиным на совещании у т. Сталина от 19 апреля 1936 г. // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 6.
- ⁶⁶ См.: Ф. 3316. Оп. 40. Д. 32. Л. 55–56.
- ⁶⁷ См.: Материалы по истории разработки первых советских Конституций и Конституции СССР 1936 г.: Копия справки (А. Лукьянов) «К вопросу о разработке и проведении в жизнь некоторых положений Конституции СССР 1936 года (по материалам Государственного архива и некоторым материалам и документам Президиума ВС СССР)» (29.04.1964) // Ф. 7523. Оп. 131. Д. 3 (1962–1964). Л. 10.
- ⁶⁸ См.: Разная переписка по делам конституционной подкомиссии «О центральных и местных органах власти». Июль–октябрь, 1935 г. // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 32. Л. 30–34.
- ⁶⁹ Конституционная комиссия. Первоначальный проект Конституции 1936 г. // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 1. Л. 1–48.
- ⁷⁰ Первоначальный проект Конституции СССР 1936 г. (в 3-х экземплярах) // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 3. Л. 1–162.
- ⁷¹ Первоначальный проект Конституции СССР, одобренный редакционной подкомиссией Конституционной комиссии для представления на рассмотрение Конституционной комиссии ЦИК Союза ССР // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 2. Л. 2–28.
- ⁷² См.: Заседание пленума Конституционной комиссии ЦИК СССР о структуре глав Конституции // Правда. 1936. 17 мая. № 134.
- ⁷³ Проект Конституции СССР (резолюция Пленума ЦК ВКП(б) по докладу т. Сталина, принятая 1 июня 1936 г.). Выписка из протокола № 62 заседания Президиума ЦИК СССР от 11 июня 1936 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1966. Ч. II. С. 832.
- ⁷⁴ См.: Предложения трудящихся к проекту Конституции СССР // Правда. 1936. 5 ноября. № 306 (6912).
- ⁷⁵ XIX лет диктатуры рабочего класса в СССР : передовая // Большевик. 1936. № 21. С. 1–2.
- ⁷⁶ *Акулов И.* Всенародное обсуждение проекта Сталинской конституции // Большевик. 1936. № 22. С. 9.
- ⁷⁷ *Тивель А.* Отклики международной печати на проект новой Конституции СССР // Большевик. 1936. № 14. С. 76–90.
- ⁷⁸ Письмо Я. Яковлева Сталину // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 2. Л. 153.
- ⁷⁹ Первоначальный проект Конституции СССР, одобренный редакционной подкомиссией Конституционной комиссии для представления на рассмотрение Конституционной комиссии ЦИК Союза ССР // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 2. Л. 1.

- ⁸⁰ Конституция (ОЗ) СССР: Проект Конституции Союза ССР, представленный Конституционной комиссией ЦИК Союза ССР и одобренный Президиумом ЦИК Союза ССР для внесения на рассмотрение Всесоюзного съезда Советов // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 2. Л. 152–214.
- ⁸¹ *Сталин И.В.* О проекте Конституции Союза ССР. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. С. 123–124.
- ⁸² См.: Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских республик, 1917–1937 гг.: сб. документов: в 7 т. Т. IV. М.: Юридическая литература, 1962. С. 227–228.
- ⁸³ Чрезвычайный VIII съезд Советов: передовая // *Большевик*. 1936. № 22. С. 1.
- ⁸⁴ Доклад председателя мандатной комиссии Чрезвычайного VIII съезда Советов СССР тов. Яковлева Я. А. // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 8. Л. 118.
- ⁸⁵ Выступление Любченко // Чрезвычайный VIII съезд Советов: Стенограмма 2-го утреннего заседания 26 ноября 1936 г. // Ф. 3316. Оп. 8. Д. 11. Л. 1–35.
- ⁸⁶ Великая Сталинская конституция: передовая // *Большевик*. 1936. № 12. С. 17.
- ⁸⁷ Съезд победившего социализма: передовая // *Большевик*. 1936. № 24. С. 24–25.
- ⁸⁸ *Челяпов Н.* Самая демократическая Конституция в мире // *Большевик*. 1937. № 1. С. 19.
- ⁸⁹ Чрезвычайный VIII съезд Советов: Стенограмма 2-го утреннего заседания 26 ноября 1936 г. // Ф. 3316. Оп. 8. Д. 11. Л. 1–35, 119.
- ⁹⁰ *Молотов В.М.* Конституция социализма // *Большевик*. 1936. № 23. С. 24.
- ⁹¹ Положение о выборах в Верховный Совет СССР: Проект, одобренный Президиумом ЦИК СССР для внесения на рассмотрение шестой сессии ЦИК СССР (Приложение к п. 1 протокола № 101 от 1 июля 1937 г.) // Ф. 3316. Оп. 13. Д. 28. Л. 105–109.
- ⁹² См.: Ф. 3316. Оп. 13. Д. 28. Л. 38 об.
- ⁹³ Беседа тов. Сталина с председателем американского газетного объединения «Скриппс-Говард Ньюспейперс» г-ном Рой Говардом // *Большевик*. 1936. № 6. С. 7.
- ⁹⁴ *Сталин И.В.* О проекте Конституции Союза ССР: Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. // *Большевик*. 1936. № 23. С. 13.
- ⁹⁵ *Молотов В.М.* Конституция социализма // *Большевик*. 1936. № 23. С. 24.
- ⁹⁶ *Челяпов Н.* Всеобщее, прямое, равное избирательное право при тайном голосовании // *Большевик*. 1936. № 11. С. 71–83.
- ⁹⁷ Социализм, уничтожение классов и расцвет советской демократии: передовая // *Большевик*. 1936. № 8. С. 5.
- ⁹⁸ См.: *Ангаров А.* Социалистическое государство и Советы трудящихся // *Большевик*. 1936. № 18. С. 39–48.
- ⁹⁹ См.: *Москатов П.* Избирательная кампания на решающем этапе // *Большевик*. 1937. № 22. С. 25.
- ¹⁰⁰ Доклад тов. Яковлева об итогах июльского Пленума 1936 года на закрытом партийном собрании от 10 июня 1936 г. // Ф. 3316. Оп. 40. Д. 22. Л. 4, 6, 18.
- ¹⁰¹ *Жданов А.* Доклад на Пленуме ЦК ВКП(б) 26 февраля 1937 г. // *Большевик*. 1937. № 5–6. С. 8.
- ¹⁰² *Вышинский А.* Накануне выборов в Верховный Совет СССР // *Большевик*. 1937. № 21.
- ¹⁰³ *Бармин А.Г.* Соколы Троцкого / пер. с англ. Ю. Кобякова; авт. послесл. и имен. указат. А. Колпакиди. М.: Современник, 1997.
- ¹⁰⁴ См.: *Павлова И.В.* Сталинизм: Становление механизма власти. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993; *Хлевнюк О.* Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 1996; *Хлевнюк О.* Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010.
- ¹⁰⁵ См.: *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец» Николай Ежов. М.: РОССПЭН, 2008.
- ¹⁰⁶ См.: *Верт Н.* Террор и беспорядок: Сталинизм как система. М.: РОССПЭН, 2010.
- ¹⁰⁷ См.: Осмыслить культ Сталина / сост. Х. Кобо. М.: Прогресс, 1989; История и сталинизм / сост. А. Н. Мерцалов. М.: Политиздат, 1991.
- ¹⁰⁸ *Люкс Л.* История России и Советского Союза от Ленина до Сталина. М.: РОССПЭН, 2008. С. 285.
- ¹⁰⁹ *Бибель А.* Из моей жизни. М.: Иностранная литература, 1963. С. 333–334.
- ¹¹⁰ См.: *Рютин М.* Сталин и кризис пролетарской диктатуры // *Рютин М.* На колени не встану / сост. Б. А. Старков. М.: Политиздат, 1992. С. 113–252.
- ¹¹¹ См.: *Троцкий Л.* Преданная революция. М.: НИИ культуры, 1991. Гл. X: СССР в зеркале новой Конституции. С. 213–225.
- ¹¹² *Фейхтвангер Л.* Москва 1937: Отчет о поездке для моих друзей. М.: Художественная литература, 1937. С. 46, 67.